
Н а т а л и я
Т е р е н т њ е в а

Редакционно-издательская группа «Жанры»
представлет книги

НАТАЛИИ ТЕРЕНТЬЕВОЙ

БЕДНЫЙ БОБИК

ЗОЛОТЫЕ НЕБЕСА

КУДА УЛЕТАЮТ АНГЕЛЫ

МАРИМБА!

ПОХОЖАЯ НА ЧЕЛОВЕКА И УДИВИТЕЛЬНАЯ

СИНДРОМ ОТСУТСТВУЮЩЕГО ЁЖИКА

УЧИЛКА

ЧИСТАЯ РЕЧКА

Н а т а л и я
Т е р е н т ь е в а

БЕДНЫЙ БОБИК

ЖУРНАЛЫ
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т35

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Там, где трава зеленее... Проза Натальи Терентьевой»
издается с 2013 года

Серийное оформление — *Андрей Фerez*
Иллюстрация на обложке — *Виктория Лебедева*

Ранее книга издавалась под названием
«Знак неравенства»

Терентьева, Наталья Михайловна.

Т35 Бедный Бобик: [роман] / Наталья Терентьева. —
Москва : АСТ, 2015. — 384 с.

ISBN 978-5-17-089824-4

Молодая преподавательница музыки ждет ребенка от своего возлюбленного и даже не представляет себе, сколько разных людей против рождения новой жизни...

Наталья Терентьева — новое яркое имя в российской литературе, одно из самых главных и ценных открытий этого сезона, лауреат премии имени В. Катаева. Завораживающая и напряженная семейная драма «Бедный Бобик» — о любви и нелюбви, предательстве, о единственном выборе, который сегодня и сейчас определит твою судьбу.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089824-4

© Н.М. Терентьева, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Отдавай и, дрожа, не тянись за возвратом,
Все сердца открываются этим ключом.*

Саша Черный

Глава 1

Денис вышел на балкон и посмотрел на неподвижное море, тяжелой сверкающей гладью лежавшее перед ним. Ветер гнал по берегу сломанную ветку кустарника с большими ярко-желтыми цветками. Денис смотрел, как на песке остаются оторванные лепестки, а ветка, дрожа и переворачиваясь, уносится дальше.

Шесть утра. Спать бы и спать... Где-то рядом хлопнуло полотнище флага, и опять стало тихо. Ни шума прибоя, ни криков чаек. Денис вдохнул терпкий запах морской воды, потрогал обгоревшее плечо и чуть поморщился.

— Денечка!.. — раздался из соседней комнаты голос жены, милый, родной голос. И ей тоже не спится, теплой, близкой, родной жене Оксане.

Денис взъерошил волосы и заглянул к жене. Натянув простыню до подбородка, она выразительно смотрела на него. Денис подобрал живот и отдал ей честь:

— Будь готов — всегда готов!

— Деня... — вздохнула Оксана и отвернулась.

Денис поспешил подойти к ней. Поймав под простыней маленькую гладкую пятку, Денис наклонился, поцеловал ее.

— Пойду сполоснусь, мамочка. Жди меня... Я сейчас.

Он быстро прошел по огромному номеру в ванную и закрыл за собой дверь. Пустив воду, присел на край отделанного под мрамор маленького бассейна. Напротив себя, в зеркале во всю стену, он увидел не очень высокого плотного мужчину с полнеющим лицом и уже слегка обозначившимся животом.

— Н-да... — с сомнением оглядев себя, Денис открыл кран, опустил ноги в воду и помахал своему отражению. — Что, бобик? Растолстел, размордел? А все такой же неутомимый и исполнительный...

Поеживаясь, окунулся в бассейн и два-три раза энергично проплыл туда-сюда, фыркая и выплевывая горьковатую воду. Вот тебе и первое утро долгожданного отпуска. Мысли не дали поспать нормально, а еще Оксанка вспомнила с утра, что замужем, а мужа зовут Деня, и он — ее ловкий, спортивный, привлекательный бобик сорока двух лет... Бобик он и есть. Испуганный, послушный...

— Денечка, я жду тебя! — то ли услышал он Оксанкин голос, то ли показалось.

— Раз-два! — машинально добавил Денис, тут же вылезая из бассейна, с сожалением побряхтывая. — Вот такой ценой, Господи! — объяснил Денис кому-то наверху — а вдруг и правда кому-то есть дело до него в огромном мертвом космосе? И кто-то сочувственно кивнет и поставит крестик в неведомой тетрадке: «Денис — молодец. Жену не обидел. За это ему можно простить вчерашнее пьянство...»

— И еще ту девчонку из бара, ладно, Господи? С круглыми ляжечками и мокрыми губками... Ужасную... Это все было напрасно и совершенно ужасно, — вздохнул Денис и принялся растираться. Докрасна, докрасна... Он бодр, он молод, он всегда в форме! Накинув широкий гостиничный халат на приятно разогревшееся тело, вышел из ванной.

Оксана лежала под простыней, через которую Денис отчетливо различил ее любимую пижаму. По зеленому полю бежали, высоко задирая тонкие мосластые ноги, трогательные бархатные жирафчики. Он хотел сказать что-нибудь

смешное — насчет жары за окном и вообще... Но передумал — опасный момент, можно испортить себе весь предстоящий отпуск неловкой фразой. Хотя жирафы ему, кажется, и так уже все испортили.

— Охохонюшки-хо-хо!.. — Денис обошел большую полукруглую кровать и залез на нее с другой стороны.

Он лег рядом с женой и посмотрел на нее. Оксана тоже посмотрела на него, протянула руку и закрыла ему глаза. Сколько раз он просил ее: «Сделай это потом, когда придешь рыдать над моим холодным трупом!»

Денис лежал на спине, ощущая теплую Оксанину руку. И ничего больше не ощущая и не желая. Оксана тихо гладила его лоб и молчала.

Денис вспомнил свой последний подвиг с другой девушкой, с той, у которой две еле заметные родинки на тонкой коже шеи, и нежный теплый рот, и шоколадные глазки, и вся она, как шоколадка, белая шоколадка, нежная, сладкая и растворяющаяся в его руках... Вот она обнимает его своими стройными гладкими ножками, и, чуть обернувшись, он видит взметнувшиеся коленки, эти ее коленки... Есть женщины, все тело которых — сплошной соблазн... Денис коротко выругался про себя, но с радостью обнаружил, что боевой дух его чресл ощутимо окреп. Знакомые и родные жирафы зашевелились от его прикосновения. Оксана лежала, как всегда, тихо, ее сильно отяжелевшее за последнее время маленькое тело непослушно ворочалось под Денисом.

Переворачиваясь на спину, Денис вдруг увидел, как стоящий среди косметических флаконов, индийских божков и христианских иконок деревянный дед-оберег смотрит на него с непонятным осуждением.

— Завидуешь? — громко спросил его Денис.

Оксана проследила его взгляд и засмеялась, а он попытался подтащить ее себе на живот.

— Деня, ну ты же знаешь, я не люблю всяких этих... Что ты опять начинаешь...

— Ну да, ну да...

Денис ловко перевернулся и крепко обнял Оксану.

— С благословения Господня! — сказала жена.

— И без него тоже, — добавил Денис и закрыл глаза, позволив себе снова представить, просто представить, маленькую тугую грудь той, другой, все зовущей и зовущей его.

Он почувствовал, как дрогнуло под ним тело жены, Оксана прошептала:

— Прости меня, Господи!

Через пару минут он сам с облегчением выдохнул и замотал головой. Оксана, секунду помедлив, встала, натянула, прикрывшись простыней, пижамные штаны и пошла в ванную.

— Смотри не усни, самое лучшее солнце пропустим...

Оксана на ходу обернулась к нему, и Денис с привычным удовольствием посмотрел на ровный профиль жены с маленьким носиком и вздернутой верхней губой. Оксана заметила его взгляд, слегка улыбнулась:

— Что? Вставай, Деня, не валяйся. Помойся, разбуди Маргошу, и пойдёмте купаться. В утреннем море другая энергетика.

— Оксан! — Денис чуть приподнялся, протягивая руку к жене. — Подожди...

Оксана вернулась от двери и села рядом с ним на кровать.

— Что, милый?

— Наклонись поближе...

Оксана послушно наклонилась к Денису, и легкая прядка упала ему на лицо. Он сдунул волосы жены и прошептал, откинув простыню:

— За что ты прощения у него просила? За свое счастье? Или за что?

Оксана небожно хлопнула ему по губам, прикрывая простыней его бедра:

— Не хулигань! Он все слышит!

— Ты уверена, что ему есть до нас дело? До наших маленьких грешков?

Жена погладила его по щеке:

— Даже если ему все равно, он слышит, когда ты богохульствуешь, и запоминает.

— А когда я говорю неправду или ковыряю в носу, он тоже записывает себе в блокнотик?

Оксана, глубоко вздохнув, попыталась встать, но Денис притянул ее обратно.

— Оксанка, мне свечку надо поставить...

Жена внимательно посмотрела на него.

— Кому?

— Что — кому? Я говорю — мне!

Оксана чуть отстранилась от него:

— В каком смысле?

— Да в каком... В обычном! — Денис повернулся на бок и хлопнул себя по бедрам. — От изжоги...

— Так ставь!

— А ты не сможешь? Я сам как-то теряюсь...

— Ты с ума, что ли, сошел? Уйди отсюда, с моей постели, быстро!

Денис легко встал, накинув халат на голое тело, улыбнулся жене:

— Ну извини, крошка, был не прав.

Он поцеловал в лоб уворачивающуюся жену и пошел к двери, соединяющей их спальни. В дверях он чуть затормозил, выпрямился и отдал честь, не оборачиваясь. Затем на прямых ногах вышел из Оксаниной спальни, слыша за спиной ее тихий смех.

У себя в комнате он лег на такую же большую кровать, закинув руки за голову. Услышал, как Оксана пошла будить дочку... Вот она пустила воду в ванной... Тихо сморкается... Плакала, что ли? Да ладно... Что ей плакать, после таких приятных минут... Она же не догадывается... Денис даже перевернулся и усилием воли заставил себя прогнать мысли о той, другой. Только не сейчас. Имеет он право на отдых?

Денис обвел глазами роскошную спальню, стены, обитые мягкой шелковой тканью, изящное трюмо цвета слоновой кости... Оксанка и тут успела поставить пару дорожных иконок и жутковатого, плотоядно улыбающегося Будду. Если уж со своим Богом у него не заладилось — может, иноземные как-то хорошо повлияют... «Чего бы это ни стоило, за это стоит заплатить... Да, Всевышний? Или как к тебе обращаться? Не-е, ты все-таки какой-то не наш...» Он вздохнул и подбил повыше под голову легкую прохладную подушку.

Вот он, застенчивый провинциал — второй, всегда второй, чем бы в жизни ни занимался, — лежит сейчас в лучшем номере самой дорогой гостиницы одного из самых престижных курортов — Мертвого моря. А женщина, у которой сумма на валютном счете давно перевалила за очень приятную, надежную, волнующую цифру, смыкает сейчас в розовом мраморном бассейне следы его близости и составляет план, что они будут делать сегодня, завтра, через два дня, не оставляя ему возможности ни сомневаться, ни колебаться, ни сожалеть о чем-либо.

Ему-то все это не надо — шелковые стены, бассейны в номере, мрачные лимузины с лживыми заискивающими шоферами... Это все довесок, оборотная сторона. Главное — другое.

Когда в семнадцать лет он уезжал в Москву, мама три дня плакала, потом взяла себя в руки — его мама умела взять себя в руки — и перед отъездом уже только смеялась: «Ну что ты без меня будешь там делать, в этой своей Москве? Потеряешься, как я тебя найду потом?»

И он потерялся. Сразу, в первый же день. От гомона, от стремительных и равнодушных человеческих волн, разом смывших его провинциальный задор: «А я Аристотеля в восьмом классе в подлиннике читал!» «А мы на первом курсе будем читать!» — говорили глаза поступивших в университет счастливых, глаза, смотревшие поверх него, мимо него, сквозь него, золотого медалиста, срезавшегося на своем единственном экзамене.

Мама по телефону сказала: «Приезжай», а маленькая девушка со светлыми волосиками, аккуратно заправленными за круглые уши, крепко сжала его ладонь сильной рукой и велела: «Пойдем». Девушка тоже не нашла своей фамилии в списках. Она уже второй год пыталась поступить на филфак, Денис же не прошел на биофак, где конкурс был всего полтора человека на место. У него оставался еще год в запасе — до армии, год, чтобы подготовиться, чтобы не попасть ни в коем случае в вонючую казарму, не потерять драгоценные два года. У него было столько идей в голове, столько невероятных догадок... Только бы донести их до научного мира... И этот год он провел в Оксаниной комнате, вставая в половине шестого, чтобы подметать двор вокруг общежития, и за это комендант записала его как Иванову Зину. А Оксана просыпалась в пять и пешком шла до ближайшей станции метро, ее работа началась еще раньше.

Оксана... Кропотливым, старательным трудом эта маленькая женщина завоевывала мир и отдавала половину своих трофеев ему, Денису, у которого никогда ничего не было, кроме его ума. Деньги как-то не задерживались около него. Да и он не мог думать о мире в категориях «дорого, дешево, подкупить, вложить...» А она могла. Прожить на тысячу рублей до конца месяца, готовить на обгоревшей конфорке густые ароматные борщи, спать по четыре с половиной часа, копить, экономить и не упрекать, что Денис не такой, как она. Что он... Нет, не лоботряс и не оболтус, но просто он создан не для того, чтобы зарабатывать деньги, вот и все.

Оксана вовремя поняла, что московский филфак можно штурмовать еще пять лет, и оставила мечту о высшем гуманитарном образовании для своих детей. А куда можно поступить сразу? Кем не хотят быть гордые, надменные москвичи, скептически оглядывавшие ее единственную приличную юбку с плиссированной оборкой и аккуратные коричневые туфли на квадратных каблуках, мамкины туфли? Москвичи, не отвечающие на вопросы, обсмеивающие

ее слишком очевидный деревенский говор. Они не хотят быть инженерами-водниками, к примеру. И конкурс в том институте — полчеловека на место.

Ну — водник так водник, решила Оксана и, забрав документы после первой же тройки в очередной год мытарств и поступлений «на лингвиста», легко сдала экзамены в институт инженеров водного транспорта. Придется подрабатывать по вечерам? Ну что ж делать, конечно, Оксана подрабатывает. Перейти на вечерний и работать там, где образование не шибко нужно, но нужны непривередливые, внимательные техники, например, обслуживать радиовышку? И это можно. Вредно, конечно, но это же не навсегда, зато денег больше, на двоих хватает...

Кто знал тогда, кто мог подумать, что Оксана, приехавшая из далекого забайкальского села с тремя копейками в кармане, долго боявшаяся столичного метро, после того как в первый день потерялась и никак не могла добраться до камеры хранения, в которой оставила весь свой нехитрый багаж, через десять лет будет ловко заправлять целой сетью магазинов, продающих катера, яхты, маленькие скутеры. И получать невероятные, но почти честные дивиденды.

Денис старался не думать о маленьком взносе, сделанном в самом начале Оксаниной карьеры каким-то ее восточным другом, к которому Оксана в один прекрасный день молча ушла тринадцать лет назад. Встала утром — они уже снимали тогда однокомнатную квартиру, — аккуратно сложила в старый матерчатый чемодан свои вещи, надела единственные джинсы, поцеловала Дениса в лоб и ушла.

Он ждал ее день, два, неделю, пытался искать. Она вернулась сама, через пять месяцев. Так же молча подошла к нему, обняла, и ему ничего не оставалось, как взять жену на руки и вытереть слезы, катившиеся по ее осунувшемуся лицу. Вскоре родилась упитанная, степенная Маргоша, и Денис полюбил ее всей душой, привык считать своей дочерью. Друг тот больше никогда не появлялся в их жизни, и Оксана не любила говорить об этом.

Денис старался не думать и не думал. Потому что он не знал больше ни одной женщины, так уверенно стоящей на ногах. А для него, с его вечными сомнениями и колебаниями, с «окончательными и твердыми» решениями, меняющимися с переменой ветра, без этого было невозможно. А что касается жирафов... Когда Денис видел жену в обществе, в официальной обстановке или заезжал к ней на работу и заходил в ее кабинет, он резко и остро чувствовал то, что уже несколько лет не всегда ощущал, если Оксана раза два в неделю звала его к себе, закрывшись до ушей одеялом. Не всякая рослая красотка умела выглядеть так недоступно, так маняще, так роскошно, как миниатюрная Оксанка выглядела в роли начальницы. Что-то такое просыпалось в ней... Денис замечал, что она нравится молодым подчиненным, партнерам, богатым покупателям, и ему было приятно, что это его женщина, только его, и ничья больше.

Как-то напившись, он решил попросить ее надеть костюм — самый строгий, самый чопорный, серый прямой костюм, — и подступился было с самыми лучшими намерениями. Оксана обиделась страшно, целых три месяца ближе чем на полметра к себе не подпускала. Но тогда у него уже была Алена, которая пускала когда угодно и ничего от него не требовала взамен. Ох, как же он, дурак, на этом попался...

Денис резко встал с постели, услышав, что Оксана закрыла воду в ванной и пошла снова будить Маргошу. А главное, он испугался, что мысли, не дававшие ему спать сегодня, настойчиво и упрямо потекли в знакомом направлении. И что ему теперь делать? Он, наивный дурак, еще смеялся, спрашивал Алену:

— Тебя не смущает, что я чуть ниже тебя ростом?

— Это естественный закон сохранения рода человеческого, — отвечала та. — Высокие женщины не очень любят рослых мужчин, а маленькие ищут высоких. А иначе бы человечество постепенно разделилось и рождались бы гиганты и малыши... Малыши и гиганты...

Так вот она к чему клонила! Надо было дослушать, а он, как обычно, думал: «Ну как бы сделать так, чтобы красивые женщины не разговаривали вообще... А в постели в частности...» и с удовольствием гладил Алену по гладкой нежной коже. Идиот..

* * *

Горькая тюрьма ожидания... Сколько еще оно продлится, это время без тебя? Ты не сказал, что улетаешь. Неужели ты уехал на все бесконечные майские праздники? Денис... Я так ждала, когда наконец у тебя будет передышка в работе, поглощающей все твои силы и время.

Ты мне сейчас очень нужен, мне тебя так не хватает, сильнее, чем обычно. Ты спросил меня недавно по телефону: «Как ты себя чувствуешь?», так тепло спросил, и мне показалось, что не было этих ужасных последних месяцев, когда ты как будто стал меня избегать. Я себя уговариваю — просто у тебя было много работы. Тебе надо много работать, чтобы стать на ноги, чтобы дописать диссертацию...

Сегодня утром я подумала — вот ты уехал, не попрощавшись. А вдруг с одним из нас что-то случится? Ведь всякое бывает. И мы не увидим больше друг друга...

Денис, мне без тебя плохо и одиноко.

Мне тебе многое хочется рассказать... Как я все теперь по-другому вижу и ощущаю. Как будто обострились все органы чувств. Какие необычные мне снятся сны — яркие, с продолжением на следующий день. Вчера я долго летала в совершенно непонятном пространстве — это было небо, чистое, ясное, но я почему-то не видела земли под собой.

Мне хочется смотреть на цветы. Я купила семена, землю, посадила на балконе в ящиках много разных цветов. Но пока они еще только-только начали прорастать. Иногда обрываю на улице какую-нибудь едва распустившуюся веточку и ставлю дома. И чувствую запах растущего растения даже на расстоянии — запах жизни.

Ты совсем недавно говорил, что нам невозможно друг без друга. Но только все так сложно и неправильно... Но теперь ведь у нас все будет иначе? Так мне казалось. Почему тогда ты взял и уехал?

Алена встала с дивана и пошла умыться. Так нельзя. Плакать с утра до вечера, убиваться... Нельзя. Это не просто вредно, это опасно. Надо думать о чем угодно, но не об этом. Почему Денис уехал и почему он не рад ребенку? Ответ — тот, который напрашивается, — невозможен. Слезами себе не поможешь, а ребенку можно только навредить. Ему же больно и плохо вместе с его мамой. Мамой... От неожиданного, совершенно нового ощущения Алена даже остановилась и посмотрела на себя в зеркало. Она — уже мама. Если внутри нее бьется другое сердце, начинается другая, новая жизнь. И только от нее зависит, какая она будет, эта жизнь. Жизнь *ее* ребенка.

* * *

Денис смотрел, как сильно выросшая за этот год дочка совсем по-взрослому держится на воде.

— Маргоша, осторожнее, ближе к берегу плыви! — крикнул он и подумал, что просто теперь он видит ее так редко, что стал замечать, как она растет.

Если твой ребенок вытягивается каждый день на пол-миллиметра, ты на это не обращаешь внимания, когда ты рядом. А если за две недели, пролетающие между родительскими суббота-воскресеньями, он вырастает на семь миллиметров, то они как-то очень видны, эти семь самостоятельных миллиметров твоего единственного ребенка... Ох, права Оксанка, как всегда, во всем, везде — права...

Ведь и сам Денис, почувствовав вкус свободы за эти два года, теперь уже никогда, наверно, добровольно не расстался бы с ней.

Он с трудом мог теперь вспомнить свое отчаяние, когда два с половиной года назад Оксана объявила: им надо по-